Н. В. Немирова

СПОСОБЫ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ПРЕЦЕДЕНТНОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА В ГАЗЕТНОМ ДИСКУРСЕ

Статья посвящена анализу способов репрезентации прецедентного художественного текста (нарративного, событийного, субъектного, фразового) и приемов трансформации текста-источника в газетном дискурсе.

Ключевые слова: художественный текст, прецедентные феномены, нарратив, способы репрезентации, приемы трансформации.

N. Nemirova

METHODS OF REPRESENTATION OF PRECEDENT ARTISTIC TEXTS IN THE NEWSPAPER DISCOURSE

The article is devoted to the analysis of the methods of representation of precedent artistic texts (narrative, event, subject, phrase) and ways of transforming the original text in the newspaper discourse.

Keywords: artistic text, precedents phenomena, narrative, methods of representation, receptions of transformation.

Прецедентность — одна из характерных особенностей современного газетного дискурса. Дискурс, по справедливому утверждению Т. ван Дейка, — коммуникативный акт, не ограниченный «рамками текста»; в понятие дискурса необходимо включить «знание языка, знание мира, другие установки и представления» [3, с. 122]. В число «знаний языка» и «знаний о мире» включаются прецедентные феномены — устойчивые в своем составе единицы передачи информации в процессе коммуникативного акта, отражающие особенности оценки и восприятия исторических событий и лиц, мифологии, памятников искусства, литературы, произведений устного народного творчества, свойственные национальной языковой личности.

Для современного газетного дискурса характерно использование большого количества прецедентных феноменов, в том числе и восходящих к художественным произведениям. А. П. Чудинов подчеркивает: «Использование в тексте прецедентных культурных знаков делает изложение более интеллектуальным, формирует новые смыслы, вводит текущие события в общеисторический и культурный контекст» [16, с. 62].

Прагматическая значимость публицистического текста состоит в том, что он, в отличие от художественного текста, призван донести до адресата определенную информацию. Публицистический текст ни его создателем, ни его адресатом не рассматривается с позиций «вечных ценностей»: интерес к нему последующих поколений читателей будет обусловлен тем, что в нем содержится информация об эпохе его написания и об особенностях литературного языка определенного исторического периода.

Прагматический аспект рассмотрения прецедентов предполагает анализ следующих признаков: 1) апелляция к адресату как к носителю определенного фонда зна-

ний; 2) вовлечение адресата в процесс декодирования сообщения, репрезентантом которого является прецедент. В. Е. Чернявская подчеркивает, что «эффективность декодирования обеспечивается интертекстуальной компетенцией читателя, хранящего в своей памяти следы ранее прочитанного» [14, с. 199].

Понятие интертекстуальности шире понятия прецедентности, так как первое применяется для анализа «лингвистических текстов», «экстралингвистических текстов» и «смешанных тестов» [14, с. 86], второе — для анализа вербализованных текстов. Прецедентные феномены, по нашему мнению, декодируются при анализе поверхностной структуры текста-реципиента (такой процесс назван М. Риффатором «эллиптическим декодированием» [7, с. 73]), интертекстуальные элементы — при анализе глубинной структуры текста.

Ю. Н. Караулов вводит понятие «прецедентный текст», которое В. В. Красных, Д. Б. Гудковым, И. В. Захаренко, Д. В. Багаевой трансформировано в термин-гипероним «прецедентный феномен» (ПФ) и включено в термины-согипонимы: «прецедентный текст» (ПТ), «прецедентное высказывание» (ПВ), «прецедентная ситуация» (ПС), «прецедентное имя» (ПИ) [5, с. 64].

Ю. Н. Караулов выделяет три способа «существования и обращения прецедентных текстов»: 1) «натуральный способ, при котором текст» воспринимается таким, каким он был создан автором, как «оригинальный текст»; 2) «вторичный способ» — это анализ «исходного» текста или его «трансформация» «в иной вид искусства»; 3) семиотический способ — преобразование семантической структуры текста-источника, использование его в новом контексте, с новым содержанием, т. е. в преобразованном виде; последний способ «присущ только прецедентному тексту» [4, с. 217].

Таким образом, оригинальный текст становится прецедентным только в том случае, если он получает репрезентацию в другом тексте. Следовательно, прецедентность, с одной стороны, может быть рассмотрена как факультативная текстовая категория, отражающая воздействие на развертывание содержания текста ПФ, усложняющего и усиливающего смысловое наполнение нового контекста. С другой стороны, прецедентность — это способность оригинального текста к воспроизведению в тексте-реципиенте.

Прецедентными являются «образцовые тексты национальной культуры, изучение которых представляется необходимым при социализации личности в лингво-когнитивном сообществе, а апелляция к ним постоянно возобновляется в рамках этого сообщества» [2, с. 23].

Под ПТ В. В. Красных, Д. Б. Гудков, И. В. Захаренко, Д. В. Багаева понимают «законченный и самодостаточный продукт речемыслительной деятельности»; «(поли)предикативную единицу»; «сложный знак, сумма значений компонентов которого не равна его смыслу; ПТ хорошо знаком любому среднему члену национально-культурного сообщества» [5, с. 64]. Авторы излагаемой концепции считают, что «обращение к ПТ многократно возобновляется в процессе коммуникации через связанные с этим текстом прецедентные высказывания или символы» [5, с. 64]. Однако анализ газетных публикаций показывает, что в некоторых случаях в функции прецедента может выступать весь текст, при условии его небольшого объема; проекция на ПТ возможна, например, в жанре фельетона.

Представляется интересным проследить механизм репрезентации прецедентного художественного текста в публицистическом дискурсе.

По нашему мнению, каждому из ПФ: ПТ, ПС, ПИ, ПВ — соответствует определенный способ репрезентации прецедент-

ного художественного текста: 1) нарративный; 2) событийный; 3) субъектный; 4) фразовый.

Нарративный способ репрезентации ПТ — это репрезентация в тексте-реципиенте основных структурных элементов прецедентного текста; результатом редукции исходного текста является его «свернутая» модель, представленная в виде нарративной схемы.

Нарратив — это вербализованный, доступный «эмпирическому наблюдению» текст, в который автор отбирает и в котором располагает и именует «нарративные элементы (ситуации, лица и действия)» [17, с. 26].

В. Шмид упорядочивает выделенные им «нарративные уровни» художественного текста следующим образом: от события, под которым автор понимает «совокупность ситуаций, персонажей и действий», «эстетически релевантный результат художественного их изображения», к истории — к результату отбора «отдельных элементов… и некоторых их свойств»; от истории — к наррации — к результату «композиции, организующей элементы событий в искусственном порядке»; и от нее — к презентации наррации, т. е. к «нарративному тексту» [17, с. 25–26].

По нашему мнению, прецедентный текст репрезентируется в зеркальном порядке: адресант имеет дело с «нарративным текстом», через призму которого моделируется новый текст: анализу подвергается композиция текста: автор выделяет из ПТ элементы, которые могут быть представлены в новом контексте, в результате выявляется нарративная схема; далее на нее проецируется новая история и, как следствие, отбираются отдельные элементы из ПТ, дополняются необходимые новые смысловые позиции текста и, в конечном итоге, вербализуется новое событие (новые события), представленное (представленные) в новом тексте, включающем прецедентные ситуации, имена и высказывания, «заимствованные» из текста-источника.

Основными приемами трансформации художественного текста, репрезентированного в публицистическом тексте-реципиенте, являются: 1) редукция исходного текста до нарративной схемы; 2) изменение жанра произведения; 3) преобразование смысла текста; 4) изменение композиции произведения; 5) формирование нового пространственно-временного континуума; 6) трансформация функций персонажей; 7) изменение стилистической маркированности элементов текста и аксиологической составляющей контекста; 8) новая интерпретация событий; 9) формирование новых когнитивных признаков ПИ, ПС, ПВ, связанных с ПТ.

Рассмотрим особенности применения приемов трансформации в фельетоне Э. Графова «Плохо мне тут, милый дедушка!» («Литературная газета», 13–19.10.2004), текст которого спроецирован на рассказ А. П. Чехова «Ванька».

В реализации приема редукции исходного текста проявляется следующая особенность понимания текста, выраженная Т. ван Дейком: «… носители языка могут резюмировать достаточно сложные информационные сообщения с помощью одного или нескольких предложений» [3, с. 236–239].

Нарративная схема рассказа А. П. Чехова — «Ванька Жуков пишет письмо дедушке Константину Макаровичу» — использована в фельетоне Э. Графова следующим образом. Ср. начало фельетона: «Милый дедушка, Константин Макарович! Христом Богом тебя молю, возьми меня отсюда. Плохо мне тут, совсем никудышная жизнь», — и его концовку: «Остаюсь внук твой Иван Жуков».

Для того чтобы текст стал прецедентным, необходимо, чтобы элементы нарративной схемы были объективированы языковыми единицами текста-источника. По-

добные «интертекстуальные смысловые связи слов, обеспечивающие понимание содержательной стороны текста», названы Н. Е. Сулименко «проявлением единства культурного пространства (этноса и межкультурной коммуникации)» [10, с. 31]. Автор фельетона воспроизводит два узнаваемых персонажа: В. Жукова и его дедушку Константина Макаровича. Сатирические образы, созданные Э. Графовым, являются обобщенными. В. Жуков — с одной стороны, обобщенный образ россиянина, неравнодушного к проблемам своей страны, с другой — это «сатирическая маска» автора фельетона. Адресат — дедушка Константин Макарович — обобщенный образ россиянина, занимающего активную жизненную позицию.

Изменение жанровой формы рассказа проявляется в том, что текст-реципиент, написанный в жанре фельетона, приобретает форму травестии, суть которой состоит в том, что автор «перелицовывает» сюжет текста-источника, перенося действие в иную сферу; не пользуется стилистическими средствами своих «оригиналов», «не стремится к разрушению эстетической ценности "перелицовываемых" произведений» [11, с. 441]. По справедливому замечанию Ю. Тынянова, следует противопоставлять «пародичность» — «пародическую форму» — и «пародийность» — «пародийную функцию»: «Пародичность и есть применение пародических форм в непародийной функции», суть которой — в «отсутствии направленности на какое-либо произведение» [13, с. 290].

В фельетоне Э. Графова сатирически осмысляются современные проблемы политико-экономической и социальной жизни нашего государства: падение индекса стабильности («А давеча выволочка была. "Дойче банк" и "Группа Евразия" совершенно не репродуктивно перестали считать Россию страной "высокой политической стабильности"); избрание мэром Владивостока В. Николаева, который, как утверждает «сатирическая маска», связан с организованной преступностью («Мэром Владивостока избрали Владимира Николаева… Очень известный среди своих человек, его организованная преступность так ласково и кличет — Винни-Пух»); подростковая преступность («За отчётные шесть месяцев подростки всё-таки поменьше стали убивать, статистика такая»); монетизация льгот пенсионеров («Так ведь у вас, стареньких, нынче деньжата заведутся вместо льгот-то»); создание мировых «атомных могильников» в России («Вон американцы, 20 лет искали, где бы нечистоты эти окаянные хранить, 6 миллиардов долларов на то потратили. Так и нашли ведь: они теперь эти отходы будут к нам свозить»); «второй» банковский кризис («Оказывается, у нас, как заявил министр, сразу второй банковский кризис приключился»); телевидение, нарушающее этические нормы («А вот что совсем душеньку раба божьего, дедушка, испоганивает, так это телевидение, очень оно разрушает мою детскую психику»); отъезд спортсменов на Запад и в Америку («Единственная радость — девушка Шарапова не так давно турнир в Уимблдоне выиграла. Она, правда, в России лет десять уже не живёт») и др.

Нарративная схема текста-источника наполняется новым содержанием: форма жалобы, воспроизведенная в рассказе А. П. Чехова, имеет бытовой характер: мальчик пишет дедушке о несправедливом отношении к нему хозяина (сапожника Аляхина) и домочадцев; форма «жалобы», использованная в фельетоне Э. Графова, носит социально-политический характер и используется автором для привлечения внимания читателя к отрицательным явлениям современной действительности и формирования его активной жизненной позиции.

Как правило, в ПТ, репрезентированном в публицистическом контексте, упрощает-

ся композиционная линия: в анализируемом тексте воспроизводится только письмо В. Жукова; сложная структура рассказа А. П. Чехова, представленная ретроспективными компонентами, совмещением точек зрения автора и персонажа, противопоставлением реального и идеального, в тексте-реципиенте отсутствует.

Изменение пространственно-временного континуума определяется принципиальным различием художественного и публицистического текстов. Художественное время, по мнению З. Я. Тураевой, — «длительность, под которой понимается временная протяженность событий, охватываемых фабулой произведения», объективированная сложной сменой ретроспективных и проспективных «регистров»; это «переплетение трех порогов восприятия — автора, читателей, персонажей» [12, с. 15]. В рассказе А. П. Чехова, отмечает А. Собенников, «далекое прошлое, представляющее деревенскую жизнь Ваньки в феноменах его памяти — в воображении, воспоминании и сне», лишено… признаков детского сознания»; исследователь подчеркивает, что в описании прошлого «доминирует точка зрения повествователя, взрослого человека, знающего о людях и жизни неизмеримо больше ребенка», а возможные «масштабы трагедии детское сознание не улавливает, они доступны только авторскому сознанию» [8]. Художественное время преобразуется в публицистическое время, реальное, совпадающее, как правило, с историческим [9, с. 33]: в контексте фельетона Э. Графова создан образ России первого десятилетия XXI века.

Художественное пространство, по мнению Ю. М. Лотмана, «представляет собой модель мира данного автора, выраженную на языке его пространственных представлений» [6, с. 252–253], «это континуум, в котором размещаются персонажи и совершается действие» [6, с. 258]. А. К. Базилевская противопоставляет в рассказе А. П. Чехова два художественных пространства: «образ деревни», который «прекрасен, как прекрасна и заманчива мысль мальчика о возвращении домой», и «грубый быт» «беспросветной жизни в учении у сапожника» [1]. В публицистическом тексте находит отражение реальное геополитическое пространство — Россия.

Ведущая аксиологическая составляющая текста-источника, рассказа А. П. Чехова «Ванька», нашла отражение в заголовке фельетона «Плохо мне тут, милый дедушка!»: несмотря на то, что в тексте рассказа А. П. Чехова отсутствует предикативное наречие *плохо*, имплицитно весь текст пронизан оценочной доминантой разочарования, передающей тяжелое физическое и душевное состояние ребенка.

В интерпретационное поле рассказа А. П. Чехова «Ванька» включается возможность наполнения его нарративной схемы различным содержанием, в том числе, как это следует из приведенного выше анализа фельетона Э. Графова, и политического характера.

Событийный способ репрезентации ПТ — это воспроизведение в тексте-реципиенте какого-либо события, связанного с текстом-источником, отраженного в виде ПС.

Прецедентными становятся наиболее яркие события, изображенные в художественном произведении; их запоминанию способствует эмоционально-оценочное прочтение текста-источника.

Например, в интервью, данном Е. Федоровой, корреспонденту «Независимой газеты» (03.09.2002), К. М. Бутько, внучкой Н. Зайцева, владельца московского ресторана, подчеркивается: «Отец моего дедушки Николая Васильевича Зайцева был повар. Он отдал сына в обучение, как Ваньку Жукова, поварскому делу, и у ребенка была так называемая крепостная грамота» («Ванька Жуков, ставший почетным гражданином»). В данном контексте адресант

опирается на ПС, восходящую к рассказу А. П. Чехова, однако показывает, что в судьбе таких, как Ванька Жуков, могут быть исключения. Автор использует следующие приемы структурно-семантической трансформации источника ПС: 1) изменение исходных компонентов текста-источника (Н. Зайцев был «отдан в обучение… поварскому делу»; Ванька Жуков — отдан «в ученье к сапожнику»); 2) противопоставление имплицитного смысла текста-источника эксплицитному развертыванию содержания в тексте-реципиенте (А. П. Чехов транслирует безысходность положения мальчика, безрадостность его существования, трагичность его судьбы; в контексте газетной публикации рассказывается о счастливой судьбе Н. Зайцева, который был «полукрепостным», а стал владельцем ресторана «Новый Петергоф»).

Субъектный способ репрезентации ПТ — это воспроизведение в тексте-реципиенте какого-либо персонажа текста-источника; сигналом этого способа является ПИ.

Субъектный способ определяется транслируемой автором текста яркой положительной или отрицательной оценкой создаваемого им художественного образа. Образ Ваньки Жукова вызывает у читателя острые эмоциональные переживания сочувствия и сострадания, поэтому сохраняется в памяти и становится узнаваемым в тексте-реципиенте.

Рассказ А. П. Чехова «Ванька» является источником ПИ ‘Ванька Жуков’, которое объективируется в современном газетном тексте с различными когнитивными признаками, формируемыми в результате семантической трансформации.

Контаминация и противопоставленность ПИ ‘Ванька Жуков’ и ПИ ‘Иван Федоров’ в заголовке статьи А. Щуплова «Станет ли Ванька Жуков Иваном Федоровым?», посвященной проблеме книгопечатания в России, позволяет выявить когнитивные признаки ПИ: ‘Ванька Жуков’ — ‘издатель детективов и другой популярной литературы’; ‘Иван Федоров’ — ‘издатель высокохудожественной литературы’ (подзаголовок «Вчера закрылась 15-я Московская Международная книжная выставка-ярмарка» («Российская газета», 10.09.2002)). В контексте публикации использован прием метонимической актуализации характерных признаков художественного образа (признаки наивности, непритязательности, доверчивости, свойственные образу В. Жукова, характерны для читателей популярной литературы, на которых ориентировано издание детективов и беллетристики).

Фразовый способ репрезентации ПТ — это воспроизведение в тексте-реципиенте высказывания автора или какого-либо персонажа текста-источника, отраженного в виде ПВ.

ПВ, восходящее к художественному тексту, обладает яркой метафоричностью, имплицитно содержит отсылку к событиям, описанным в тексте-источнике, как правило, транслирует информацию об оригинальном тексте.

ПВ ‘На деревню дедушке’, восходящее к рассказу А. П. Чехова «Ванька», объективируется в современных газетных публикациях с различными когнитивными признаками.

В парцеллированном заголовочном комплексе статьи Н. Мущинкиной заголовок «На деревню к дедушке» и подзаголовок «Скоро надо будет ехать за тысячи километров?» («Московский Комсомолец», 27.07.2011) являются частями единого высказывания. В данном контексте представлен прием структурно-семантической трансформации ПВ, основанный на изменении грамматического значения путем использования предлога *к* (беспредложное высказывание актуализирует объект действия и имеет значение ‘что-либо передать кому-либо’; предложное высказывание ак-

туализирует субъект действия и имеет значение ‘отправиться самому к кому-либо’); замечание автора о том, что «подмосковная деревня уходит в небытие», позволяет выявить когнитивный признак ПВ ‘На деревню к дедушке’ — ‘очень далеко’.

В контексте газетных публикаций возможна контаминация ПИ и ПВ, восходящих к одному ПТ. Так, например, Р. Дорохов в публикации «Тарелка для Ваньки Жукова» пишет: «Все школьники страны через три года смогут отослать письмо "на деревню дедушке" через Интернет — если, конечно, дедушка сам сможет подключиться ко Всемирной паутине. Именно такое будущее сулит принятая в прошлом году федеральная целевая ФЦП) "Развитие единой образовательной информационной среды (2001–2005 годы)"» («Известия», 20.04.2002). В данном контексте реализованы следующие когнитивные признаки: ПИ ‘Ванька Жуков’ — ‘школьник России’; ПВ ‘На деревню дедушке’ — ‘конкретному адресату’. В контексте использованы приемы семантической трансформации, основанные в ПИ на обобщении одного из признаков художественного образа (в анализируемом контексте — возраст); в ПВ — на противопоставлении источника прецедента и ПВ (‘никуда’ — ‘конкретному адресату’).

Таким образом, существуют четыре основных способа репрезентации ПТ: нарративный, событийный, субъектный, фразовый, — репрезентированные в тексте-реципиенте в виде ПТ, ПС, ПИ, ПВ. Первый способ репрезентации характеризуется различными приемами вербализации, ведущими из которых являются редукция исходного текста и наполнение пропозициональной структуры новым смыслом. Для событийного и фразового способов характерны различные приемы семантической и структурно-семантической трансформации; для субъектного, как правило, — приемы семантической трансформации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Базилевская А. К.* Тема детства в рассказах А. П. Чехова: этико-психологические аспекты // Известия Уральского государственного университета. 2010. № 4(82). С. 6–15. [Электронный ресурс] URL: http://proceedings.usu.ru/?base=mag/0082(01_$04-2010)&xsln=showArticle.xslt&id=a01&doc=../content.jsp (дата обращения: 22.05.2013).
2. *Гудков Д. Б.* Прецедентные феномены в языковом сознании и межкультурной коммуникации: Автореф. дис. … д-ра филол. наук. М.: МГУ, 1999. 42 с.
3. *Дейк Т. А. ван.* Язык. Познание. Коммуникация: Пер. с англ. / Сост. В. В. Петров; Под ред. В. И. Герасимова. М.,1989. 312 с.
4. *Караулов Ю. Н.* Русский язык и языковая личность. М.: КомКнига, 2006. 264 с.
5. *Красных В. В., Гудков Д. Б., Захаренко И. В., Багаева Д. В.* Когнитивная база и прецедентные феномены в системе других единиц и в коммуникации // Вестник МГУ. Серия 9. Филология. 1997. № 3. С. 62–75.
6. *Лотман Ю. М.* В школе поэтического слова: Пушкин. Лермонтов. Гоголь: Кн. для учителя. М.: Просвещение, 1988. 352 с.
7. *Риффатер М.* Критерии стилистического анализа // Новое в зарубежной лингвистике. Лингвостилистика. М.: Прогресс, 1980. Вып. IX. С. 69–97.
8. *Собенников А.* Чехов и христианство. Иркутск, 2001. [Электронный ресурс]. URL: http://slovo.isu.ru/chekhov_christ.html (дата обращения: 22.05.2013).
9. *Солганик Г. Я.* О новых аспектах изучения языка СМИ // Вестник МГУ. Журналистика. 2000. Сер. 10. № 3. С. 31–38.
10. *Сулименко Н. Е.* Текст и аспекты его лексического анализа: Учеб. пособ. М.: Флинта; Наука, 2009. 400 с.

11. Травестия // Литературный энциклопедический словарь / Под общ. ред. В. М. Кожевникова и П. А. Николаева. М.: Советская энциклопедия, 1987. С. 441.

12. *Тураева З. Я.* Категория времени. Время грамматическое и время художественное (на материале английского языка). М., 1979. 219 с.

13. *Тынянов Ю. Н.* Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977. 576 с.

14. *Чернявская В. Е.* Лингвистика текста: Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность: Учеб. пособ. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 248 с.

15. *Чехов А. П.* Ванька // Избранные сочинения. М.: Художественная литература, 1988. С. 50–53.

16. *Чудинов А. П.* Политическая лингвистика: Учеб.пособ. 2-е изд., испр. М.: Флинта; Наука, 2007. 256 с.

17. *Шмид В.* Нарративные уровни: «события», «история», «наррация» и «презентация наррации» // Текст. Интертекст. Культура: Сборник докладов Международной конфер. (Москва, 4–7 апреля 2001 года) / Российская академия наук. Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова; Ред.-сост.: В. П. Григорьев, Н. А. Фатеева. М.: Азбуковник, 2001. С. 25–40.

REFERENCES

1. *Bazilevskaya A. K.* Tema detstva v rasskazah A. P. Chehova: etiko-psihologicheskie aspektyi // Izvestiya Uralskogo gosudarstvennogo universiteta. 2010. № 4(82). S. 6–15. [Elektronnyiy resurs] URL: http://proceedings.usu.ru/?base=mag/0082(01_$04-2010)&xsln=showArticle.xslt&id=a01&doc=../content.jsp (data obrashcheniya: 22.05.2013).

2. *Gudkov D. B.* Pretsedentnyie fenomenyi v yazyikovom soznanii i mezhkulturnoy kommunikatsii: Avtoref. dis. … d-ra filol. nauk. M.: MGU, 1999. 42 s.

3. *Deyk T. A. van.* Yazyik. Poznanie. Kommunikatsiya: Per. s angl. / Sost. V. V. Petrov; Pod red. V. I. Gerasimova. M.,1989. 312 s.

4. *Karaulov Yu. N.* Russkiy yazyik i yazyikovaya lichnost'. M.: KomKniga, 2006. 264 s.

5. *Krasnyih V. V., Gudkov D. B., Zaharenko I. V. Bagaeva D. V.* Kognitivnaya baza i pretsedentnyie fenomenyi v sisteme drugih edinits i v kommunikatsii // Vestnik MGU. Filologiya. 1997. Ser. 9. № 3. S. 62–75.

6. *Lotman Yu. M.* V shkole poeticheskogo slova: Pushkin. Lermontov. Gogol': Kn. dlya uchitelya. M.: Prosveshchenie, 1988. 352 s.

7. *Riffater M.* Kriterii stilisticheskogo analiza // Novoe v zarubezhnoy lingvistike. Vyipusk IX. Lingvostilistika. — M.: Progress, 1980. S. 69–97.

8. *Sobennikov A.* Chehov i hristianstvo. Irkutsk, 2001. [Elektronnyiy resurs] URL: http://slovo.isu.ru/chekhov_christ.html (data obrashcheniya: 22.05.2013).

9. *Solganik G. Ya.* O novyih aspektah izucheniya yazyika SMI // Vestnik MGU. Seriya 10. Zhurnalistika. 2000. № 3. S. 31–38.

10. *Sulimenko N. E.* Tekst i aspektyi ego leksicheskogo analiza: Ucheb. posob. M.: Flinta; Nauka, 2009. 400 s.

11. Travestiya // Literaturnyiy entsiklopedicheskiy slovar / Pod obshch. red. V. M. Kozhevnikova i P. A. Nikolaeva. M.: Sovetskaya entsiklopediya, 1987. S. 441.

12. *Turaeva Z. Ya.* Kategoriya vremeni. Vremya grammaticheskoe i vremya hudozhestvennoe (na materiale angliyskogo yazyika). M., 1979. 219 s.

13. *Tyinyanov Yu. N.* Poetika. Istoriya literaturyi. Kino. M.: Nauka, 1977. 576 s.

14. *Chernyavskaya V. E.* Lingvistika teksta: Polikodovost', intertekstualnost', interdiskursivnost': Ucheb. posob. M.: Knizhnyiy dom «LIBROKOM», 2009. 248 s.

15. *Chehov A. P.* Vanka // Izbrannyie sochineniya. M.: Hudozhestvennaya literatura, 1988. S. 50–53.

16. *Chudinov A. P.* Politicheskaya lingvistika: Ucheb. posob. 2-e izd., ispr. M.: Flinta; Nauka, 2007. 256 s.

17. *Shmid V.* Narrativnyie urovni: «sobyitiya», «istoriya», «narratsiya» i «prezentatsiya narratsii» // Tekst. Intertekst. Kultura: Sbornik dokladov mezhdunarodnoy konferentsii (Moskva, 4–7 aprelya 2001 goda) / Rossiyskaya akademiya nauk. In-t rus. yaz. im. V. V. Vinogradova; Red.-sost.: V. P. Grigorev, N. A. Fateeva. M.: Azbukovnik, 2001. S. 25–40.